

Рин Чупеко

18+

ЛОВУШКА ЩЕЛКОПРЯДА

Young Adult. Японские ужасы и мистика Рин Чупеко

Рин Чупеко

Ловушка шелкопряда

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(599)
ББК 84(5Фил)-44

Чупеко Р.

Ловушка шелкопряда / Р. Чупеко — «Эксмо», 2015 — (Young Adult. Японские ужасы и мистика Рин Чупеко)

ISBN 978-5-04-250754-0

Долгие годы Тарк служил сосудом для злого духа, однако ему удалось освободиться. Теперь он помогает Окику, беспокойному мстительному призраку, защищать невинных. Однако вскоре тьма затягивает их в глубь Аокигахары, известного японского леса самоубийц. Когда наставница Тарка Кагура пропадает во время исследования легенды о таинственной деревне Айтоу, Тарк и Окику отправляются на ее поиски. Однако в лесах Аокигахары обитает что-то злое, и для того, чтобы раскрыть мрачные тайны, им предстоит отыскать врата ада и не позволить темной силе вырваться наружу.

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

ISBN 978-5-04-250754-0

© Чупеко Р., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

1. Прятки	7
2. Девочки	14
3. Охотники	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рин Чупеко
Ловушка шелкопряда

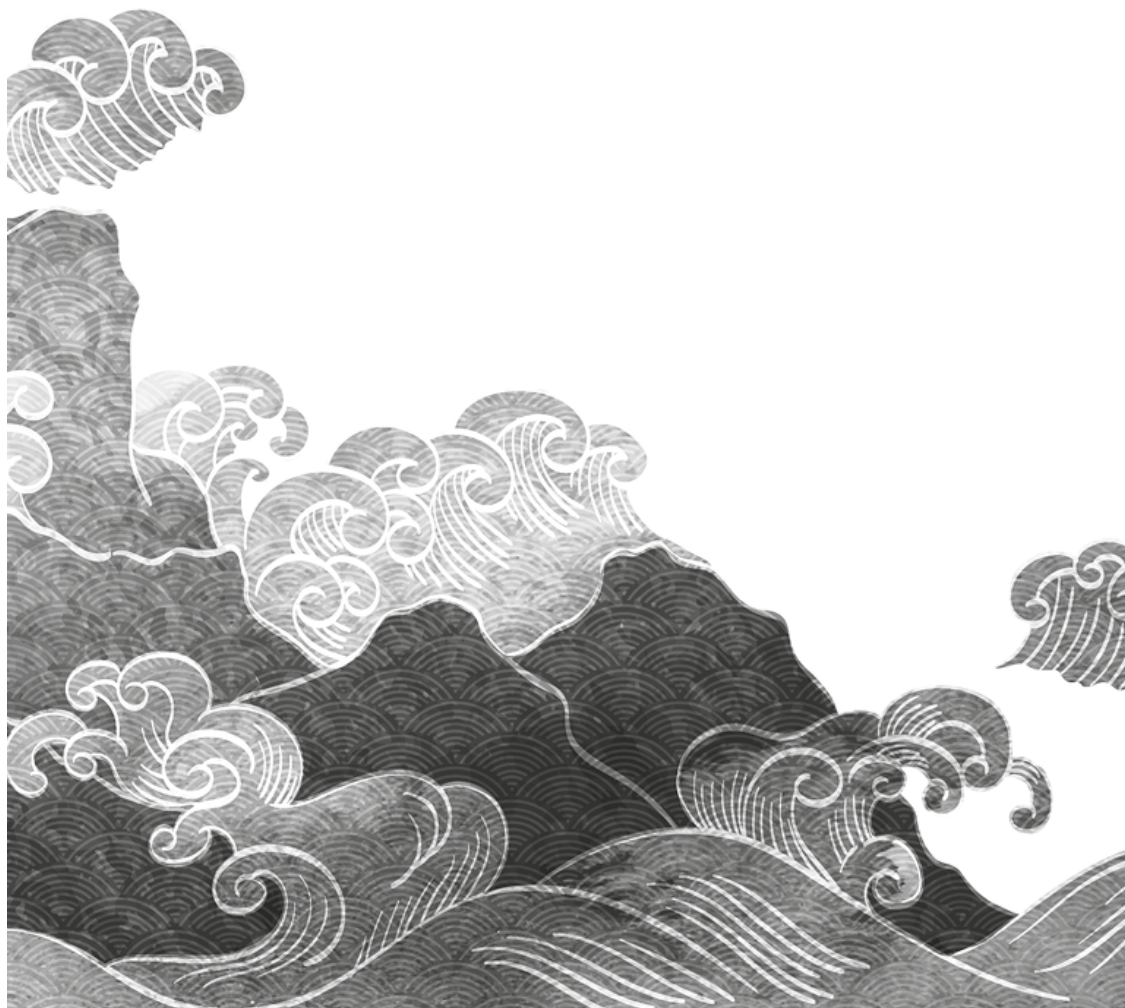
Rin Chupeco
The Suffering
Copyright © 2015 by Rin Chupeco

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency.

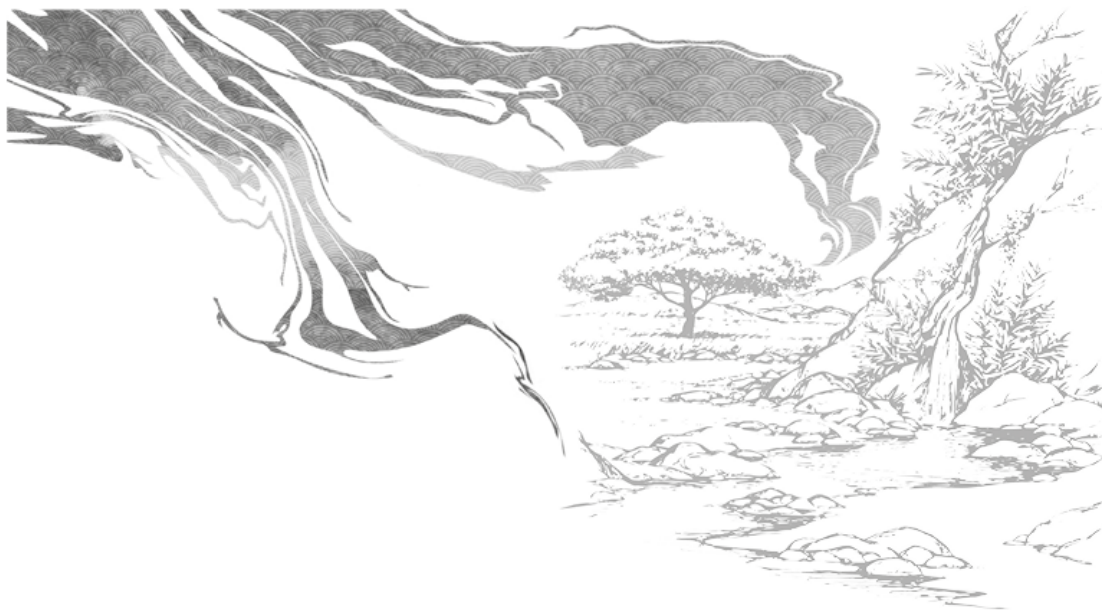
© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Любителям историй о привидениях по всему миру. За вашей спиной
никто не стоит... Я почти уверена в этом.*

1. Прятки

Я не герой, уж поверьте. Я никогда не выносил младенцев из горящих зданий, никогда не пытался спасти горбатых китов или тропические леса. Никогда не был на митингах, не кормил голодных в Африке. В общем, не пытался решить хоть одну из тысяч проблем, которыми обременен современный мир. Героизм – не та черта характера, которая обычно присуща подросткам.

Зато глупости у нас хоть отбавляй.

Именно из-за глупости я, съезжившись, сижу за большим диваном-кроватью, под тяжелым одеялом и, несмотря на гудящий в тишине кондиционер, обливаюсь потом. По телевизору идет наименее страшное шоу, которое я только смог найти: повтор «Пляжа»¹ – все же по-своему ужасающий, но самое главное – не в том смысле, которое имеет значение. Я смотрю на экран не потому, что с нетерпением жду очередной выходки Снуки², а потому, что хочу знать, когда оно придет за мной.

Ранее этим же вечером я взял потрепанную куклу, из которой уже достали хлопковую набивку, и наполнил ее сырым рисом и обрезками ногтей. После чего зашил игрушку красными нитками. Прodelав это столько же раз, сколько и я, вы поймете, что шитье не хуже любого оружия. Затем, когда на часах пробило три ночи, я наполнил ванну и опустил в нее куклу.

– Думбелина, теперь ты – оно.

Не я дал ему это имя, но именно с этим именем мне пришлось работать. Сондхейм и его девушка использовали его в ритуале, который им так и не удалось завершить. Подбирая имя, вы показываете, что выделяете *его*. Просто чтобы избежать недоразумений, я повторил «Теперь ты – оно» еще два раза.

Кукла, как и большинство ей подобных, не ответила, лишь продолжила смотреть на меня из-под воды, как утонувшая Офелия с округлыми суставами, синтетическими каштановыми волосами и пластмассовыми глазами. Она была облачена в желтое платье из тонкого сукна,

¹ Телешоу Mtv, выходившее в эфир в 2009–2012 гг.

² Звезда телешоу «Пляж» Николь «Снуки» Полиции.

сшитое на какой-то из фабрик Китая. Кукла была настолько обычной, что запросто могла оказаться подделкой.

Воздух меняется. Невидимый паук пополз по моей спине, щекоча волосы на затылке. За последние пару лет с этим пауком я встречался не раз. Он шептал, что в комнате есть кто-то еще: кто дышит вместе с вами, наблюдает, улыбается вам.

Ненавижу этого проклятого паука.

На мгновение в свете флуоресцентных ламп густые каштановые волосы куклы кажутся черными и блестящими. На мгновение остекленевший взгляд игрушки приобретает едва заметный оттенок злобного осознания. На мгновение голова этого существа выныривает из воды и смотрит на меня.

Я выключил свет, вышел из ванной и закрыл дверь. Спрятался.

Играть в прятки с куклой кажется идиотизмом. Но это не так. Это одно из правил, которым я должен следовать.

Первое же из них звучит так: я должен закончить игру. Что бы ни случилось.

Я набрал полный рот соленой воды и начал считать про себя. *Тысяча и один, тысяча и два, тысяча и три, тысяча и четыре...*

На экране телевизора загорелый, точно апельсин, итальянец плотного телосложения с волосами, противоречащими всем законам гравитации, спорит с другим загорелым, точно апельсин, итальянцем плотного телосложения с волосами, противоречащими всем законам гравитации.

...Тысяча и пять, тысяча и шесть, тысяча и семь...

На мгновение я задумываюсь, где Ки. Обычно, когда я совершаю безрассудные ритуалы вроде этого, она тут же появляется. Но сейчас ее нигде не было видно, что беспокоит. Не то чтобы у нее много других дел.

Я не герой, но суперсила у меня все же есть. Только вот она исчезает, стоит ей только заскучать.

...Тысяча и восемь, тысяча и девять...

У телевизора на мгновение пропадает звук, а возвращается уже искаженным, будто неопытный диджей крутит сломанную пластинку, ставит песню на повтор. Голоса снижаются на несколько октав, пока не становятся грубыми, скрипучими и непонятными. Телешоу «Пляж» сменяют помехи.

Я тут же перевожу взгляд на дверь ванной, которая оказывается распахнутой настежь.

А ведь я точно ее закрывал.

Что-то движется по комнате. Я надеюсь, что это Окику, но не уверен.

Возникает ощущение, будто что-то волочится по полу. Словно *она* еще не понимает, как правильно передвигать ногами.

Я рискнул выплунуть из-за дивана-кровати.

Из ванной тянутся мокрые следы, вода пропитывает ковер. На экране телевизора больше ничего не отображается, но тревожные звуки не утихают.

И тут в нескольких футах от себя я замечаю куклу, лежащую лицом вниз в луже воды.

Я снова прячусь в своей крепости из одеял и хватаю пластиковый стаканчик, наполовину наполненный той же соленой водой, что и у меня во рту. Также я беру маленький нож для чистки овощей. И только после этого высовываю нос из укрытия, взволнованно выглядываю из-за дивана...

...И оказываюсь лицом к лицу с куклой, которая на нем сидит. На том месте, где у обычного человека рот, ее лицо пересекает страшная черная язва.

Но ведь у куклы в ванне не было рта.

Она делает выпад.

Я пригибаюсь.

Фигурка пролетает у меня над головой и врежется в картину. Мне хватает выдержки, чтобы не проглотить соленую воду или не выплюнуть ее. Я не трачу драгоценные секунды на то, чтобы оглянуться, и спешу к шкафу – запасному укрытию на случай, если что-то пойдет не так. А это случается почти всегда.

Скользнув внутрь, я закрываю за собой дверь и стараюсь как можно более бесшумно затеряться среди одежды и обуви. Когда за вами гонится призрак, нет необходимости искать хитроумное укрытие. В тот момент, когда вы заключаете его в сосуд, чем и является пластиковое тельце куклы, его восприятие мира становится ограниченным.

Несколько долгих секунд я просто выжидаю. Вокруг тихо, но я не доверяю этой тишине. Стоит вам пошевелившись, и они вас увидят, найдут. И найдут быстро.

Сквозь узкие щели света, проникающего через решетчатую дверь шкафа, я замечаю какое-то движение. Затем – проблеск желтого, и в поле зрения появляется что-то маленькое и явно напоминающее куклу.

Оно ползет на четвереньках.

При каждом его движении слышится хруст костей.

Оно ищет меня.

Я задерживаю дыхание и жду, когда оно проползет мимо.

Второе правило игры: сначала оно ищет меня. Затем наступает моя очередь. Мы меняемся ролями каждые несколько минут, пока кто-то из нас не выиграет.

Выживет лишь тот, кто первым нанесет три ножевых.

Время вышло.

Я отсчитываю еще десять секунд, потому что лучше начать с опозданием, чем слишком рано, пока оно еще на охоте. После этого я выхожу, подавив трусливое желание спрятаться в шкафу до утра. Или, еще лучше, с криком убежать из квартиры, точно маленький ребенок.

Кукла неподвижно лежит на спине, буравя потолок черными, точно полночь, глазами.

Я, держа нож наготове, бросаюсь к ней: по правилам у меня есть две минуты, но опыт подсказывает, что эти ублюдки жульничают. Когда речь идет о сражении с призраками, все сходится во мнении, что бить следует первым и как можно сильнее, потому что велика вероятность, что ты умрешь прежде, чем тебе выпадет второй шанс.

Я наношу удар. Мой нож попадает в цель, вонзаясь в грудь куклы. Я выплевываю соленую воду, которую до этого держал во рту, и она пропитывает ее хлопковое платье.

– Я победил! – выдавливаю я, а затем выдергиваю нож, чтобы проткнуть фигурку еще раз.

Именно в этот момент снова включается телевизор. На мгновение отвлекшись, я оборачиваюсь на экран. Двое парней все еще спорят. Когда я возвращаю взгляд на фигурку врага, куклы и след простыл.

Черт!

Стараясь не паниковать, я обыскиваю комнату так быстро и тщательно, как только могу. Заглядываю под диван, кровать, даже еще раз бегло наведываюсь в ванную. Ничего.

Единственным предупреждением становится капля воды, упавшая на ковер прямо передо мной. Я успеваю лишь поднять взгляд, прежде чем кукла падает на меня с потолка. Ее пасть с рядами острых на вид зубов слишком велика для игрушечного лица, а глаза полны ужасающей ненависти. На ум одновременно приходят две мысли – «Ох» и «Черт возьми».

Вы когда-нибудь сталкивались с одержимой куклой, которая врежется вам в лицо со скоростью 2 Маха³? Это все равно что получить удар от озверевшей курицы. Я рухнул на пол, но кукла не отпускала, вцепившись щелкающими челюстями мне в щеку. Я закричал от боли

³ Число Маха (М) – это один из критериев подобия в механике жидкости и газа. Представляет собой отношение скорости течения в данной точке газового потока к местной скорости распространения звука в движущейся среде. 2 Маха – это условно 680 метров в секунду или 2448 км/ч.

и, схватив куклу за загривок, оттолкнул ее, лишь бы оказаться вне досягаемости ее страшных клыков. Чего я никак не ожидал, так это того, что шея фигурки удлинится на несколько дюймов, продолжив охоту за кожей.

– ЧЕРТОВ...

Я швырнул куклу через всю комнату. Она ударилась о стену и шлепнулась на пол.

Что-то не так. Первый удар должен был обездвижить ее, а не побудить в бешенстве броситься на меня. И последнее, чего я хочу, – это чтобы меня покусали.

Третье и последнее правило игры звучит как: *не проигрывай*. Точно сказать не могу, какая участь ждет проигравшего, но и выяснять не собираюсь. Я оставил метку на кукле, но и она пометила меня. Удача не на моей стороне.

Кукла извивалась и корчилась на полу, издав громкий надрывный крик.

Ее платье задралось, что-то шевельнулось под тканью. Я видел, как стежок за стежком расплетаются красные нитки. Рванув вперед, я снова вонзил нож в эту корчащуюся массу. Кукла безвольно осела.

– Я победил!

Но когда я поднял руку, чтобы нанести третий и последний удар, тело куклы треснуло. Из груди показалась рука, которая схватила меня за запястье. За рукой последовало пожелтевшее предплечье. Из останков куклы появилась еще одна рука, затем еще и еще.

Наконец, из ее тельца высунулась голова. Чудовищное, изуродованное лицо возвышается над фигурой, которая представляет собой не столько тело, сколько переплетение рук.

Оно воет – издает мяукающий протяжный звук – и снова тянется ко мне.

Никогда раньше я не бил женщину – ни живую, ни мертвую, – но, похоже, самое время стать женоненавистником. Существо отшатнулось, ослабив хватку, что позволило мне отодвинуться. Когда оно предпринимает очередную попытку подползти, я бью его прямо в челюсть. Чтобы завершить ритуал, мне нужно нанести последний удар. Только вот я ума не приложу, как удержать этого монстра на месте так, чтобы мне не отгрызли конечности.

Что-то снова падает с потолка, и существо оказывается зажатым между бледными руками, которые были бы тонкими и прекрасными, если бы не выглядели так, будто последние несколько столетий разлагались под землей.

– Окику! – выдохнул я.

Моя Окику и женщина-многоручка похожи: они обе мертвы и кровожадны, когда на примете есть цель.

Из-за завесы волос, которая прикрывает лицо, Окику кажется едва ли не чудаковатой. Ее руки – стальные тиски, подпитываемые тремя столетиями обид и закаленные удивительной нежностью ко мне. Что бы ни предпринимало другое существо, это не ослабило ее хватки.

– Спасибо, – с трудом выдавил я, а затем, прицелившись, в последний раз вогнал нож в то место, где шея семирукой женщины соединяется с телом. Напрягаюсь, готовясь к худшему. – Я победил!

Воздух наполняет самый ужасный, душераздирающий вопль, который я когда-либо слышал, и упырь взрывается.

Я падаю на пол, прикрывая голову руками, скорее от силы удара, чем руководствуясь инстинктами. Плач стихает, и я воспринимаю это как знак того, что можно подняться и оценить нанесенный битвой урон.

Взрыв вдребезги разбил маленькую лампу в стиле ар-нуво, вазу Уотерфорда⁴ и разорвал поникшую ветвь хризантем, которая в ней стояла. Густое облако пыли осело на пол и мебель,

⁴ Производитель свинцового стекла или хрусталя, особенно граненого стекла, названного в честь города Уотерфорд, Ирландия.

но от самого существа не осталось ничего, кроме испорченной куклы. Ее черные глаза были все такими же жуткими, но по крайней мере рот-язва исчез.

Я читал о хосо-де. Как правило, эти добродушные духи со множеством рук встречаются в каждом японском доме. Почему же этот оказался таким озлобленным и что он забыл в Америке, я понятия не имел. Возможно, в этом многоквартирном доме живет иностранец. Люди всегда привозят с собой своих призраков, хранят их, как выцветшие фотографии.

Окику, взволнованная не более, чем обычно, с невозмутимым видом сидела в центре беспорядка, а вокруг нее грязным ореолом были разбросаны осколки сражения.

– Надеюсь, Сондхейм не ждет, что я буду за это платить, – пробормотал я, поднявшись и пытаясь вытряхнуть из волос опилки. Моя подруга-дух ничего не ответила. Окику не из разговорчивых, она никогда не говорит, о чем думает. Я уже почти привык к этому.

К тому же я сам болтаю за двоих.

Окику подплывает ко мне и касается пальцем щеки, на которой остался след от укуса хосо-де. Она всегда делает так, когда хочет узнать, все ли со мной в порядке. Что довольно мило. Вблизи ее лицо – кошмар, воплощение того, каково это – быть одновременно живым и мертвым.

К этому я тоже почти привык.

– Лучше не бывает, – улыбнулся я, пытаясь скрыть дрожь в коленях.

Для меня, как и для нее, это была не первая попытка изгнать духа. За последний год я сталкивался с безликими женщинами, обезображенными призраками и карикатурными видениями. У некоторых людей имеются опасные увлечения, вроде прыжков с парашютом, участия в ралли на грузовиках-монстрах и серфинга на ледниках. Я же? Я бросаю свою душу в бурлящие воды потенциального проклятия и жду, когда кто-то откликнется на зов. Неужели Окику занимается этим уже *триста чертовых лет*?

На всякий случай выливаю остатки соленой воды на куклу и сметаю ее в большой мусорный пакет. Окику наблюдает за мной, не пытаясь помочь. Из книг, которые мне дала Кагура, я знаю, что хосо-де – деревянные духи. Поэтому водные призраки, такие как Окику, не могут прикоснуться к их сосудам, не потеряв при этом силы. К счастью, битва закончилась достаточно быстро и не успела ослабить подругу.

Я выключил телевизор, перерыл одеяла в поисках своего мобильного телефона и набрал номер.

Как только Сондхейм ответил, я сообщил:

– Дело сделано.

Долго ждать не приходится. Энди Сондхейм – защитник в футбольной команде школы Пембрук – находится так далеко от меня по социальной лестнице, что поравняться с ним – как взобраться на Эверест. Он приводит с собой бойкую подружку-чирлидершу Триш Сейфрид, хотя в данный момент она не такая уж и бойкая. Сондхейм любит хвастаться, что у него есть собственное жилье, несмотря на то что за аренду квартиры платят родители. Хотя те так часто уезжают в командировки, что слова парня можно считать правдой.

Они с Триш уже полностью одеты. Предполагаю, прежде чем позвонить мне, они вернулись с какой-то вечеринки и планировали порезвиться. Сейчас же оба были бледны и дрожали, что, признаюсь, приходится мне по вкусу, ведь обычно Сондхейм ведет себя как придурок.

Окику, чьи черные волосы развеваются за спиной, точно вороново крыло, не обращает на них внимания и считает плитки на полу. Ни Сондхейм, ни Триш не видят ее. Мало кому вообще это удается.

– Оно ушло, – устало сообщил я, опустив подробности.

– Черт, Хэллоуэй, – ответил спортсмен, оглядывая свою квартиру. – Не мог сделать это, не устраивая здесь беспорядок?

Полагаю, ожидать от него благодарности было слишком самонадеянно.

– Я сделал то, с чем вы не справились. – Я поднял мусорный пакет: – Хочешь его сжечь? Сондхейм отступил, глядя на пакет так, словно тот съел его бабушку.

– Ну уж нет, чувак, я к этому не притронусь.

Так я и думал.

– Ты уверен, что оно не вернется? – с сомнением уточнила Триш. – Действительно уверен?

– На все сто процентов.

– Ваза моей мамы, – простонал Сондхейм. – И в картине дыра!

– Всего лишь репродукция Мане. – Я пожал плечами. – Безвкусица.

Побочный эффект того, чтобы быть избалованным ребенком богача, заключается в том, что я знаю, что сколько стоит.

Спортсмен злобно сверкнул глазами, а Окику замерла у осколков вазы, пересчитывая их.

– Зачем я вообще послушал тебя, – возмутился Сондхейм, поворачиваясь к своей девушке. – Какого черта тебе приспичило играть с привидениями?

– Бет и Лиза тоже делали это, – проскулила чирлидерша, дергая себя за прядь золотистых волос. – И с ними ничего не случилось.

– Это потому, что вы нарушили правила, – заметил я без особого сочувствия.

Прятки с самим собой – это ритуал, единственная цель которого – вывести из себя находящихся поблизости духов. Пригласить одного из них в тело куклы, поиграть с ним часок, чтобы доказать свою мужественность, а затем – будем надеяться – без последствий отправить туда, откуда он пришел. Этот ритуал считается испытанием смелости.

– Вы не использовали соленую воду, не потрудились предварительно очистить помещение благовониями и, что хуже всего не закончили игру. Возможно, в общественном месте это сошло бы вам с рук, но, вызвав духа здесь, вы будто нарисовали над своим домом большой восклицательный знак.

Оба непонимающе уставились на меня.

– Как, черт возьми, мы могли закончить игру, когда эта... эта штука встала? – спросил Сондхейм.

– Бет и Лиза сказали, что у них кукла просто лежала, – вмешалась Триш.

Я подавил стон. Пожалуй, единственное, что они сделали правильно этим вечером, – это позвали меня на помощь. Хотя я не очень обрадовался, когда в два часа ночи меня разбудили люди, которые в обычной жизни не замечают моего существования. Понятия не имею, откуда у них вообще взялся мой номер.

– Ну, если не готовы столкнуться с чем-то паранормальным посреди ночи, тогда вообще не стоило играть в куклы.

Я перекинул пакет с мусором через плечо, зная, что это был первый и единственный раз, когда я уложил Эндрю Сондхейма на обе лопатки.

– И последнее: я, конечно, не рекомендую повторять подобное, но если все-таки соберетесь – в следующий раз, по крайней мере, выберите имя получше, чем Думбелина. Вы же не хотите разозлить существо еще до начала игры. Возможно, вам это кажется шуткой, но поверьте, дух воспринимает все очень и очень серьезно. А теперь, если позволите, у меня утром уроки, а еще надо куклу сжечь.

Я вышел, Окику поплелась следом. После того как дверь за мной закрылась, я услышал, как эти двое снова принялись спорить. Вероятно, они расскажут всем, что здесь случилось, породят новые слухи, которые только укрепят мой статус чудака. Хотя мне все равно. Триш любит преувеличивать, так что вряд ли кто-то в школе ей поверит.

Часы показывали половину пятого утра, и я жутко устал, но был рад, что живу всего в нескольких кварталах отсюда. Я вернулся на велосипеде домой и открыл дверь, даже не пыта-

ясь вести себя тихо. Папа в командировке и вернется только после обеда, так что у меня полно времени.

Я сжигаю кукол в металлическом мусорном ведре, которое нашел на свалке несколько месяцев назад. Большую часть времени оно спрятано за кустами в саду. Папа, вероятно, даже не подозревает о его существовании. Я же использовал это ведро уже около тридцати пяти раз.

Я высыпаю содержимое мусорного пакета в корзину и, убедившись, что в нем ничего не осталось, чиркаю спичкой.

Кукла сгорает достаточно быстро. Она наблюдает за мной черными глазками-бусинками, пока ее личико не исчезает в пламени и дыму. Скоро от нее не останется ничего, кроме сажи и злых воспоминаний.

Окику улыбалась, наблюдая, как исчезает кукла. Она всегда так делает.

Не то чтобы я был обязан совершать эти обряды. Речь не о высшем призвании, которое заставляет облачаться в обтягивающий спандекс и плащ с капюшоном, лишь бы избавиться от преступности город. Я не пытался искоренить несправедливость. Как и не преследовал какую-то конкретную цель, отлавливая и убивая этих существ последние несколько месяцев. Я советовал Сондхейму не лезть в то, в чем он не разбирается, но я и сам был не лучше: общался с духами, проверял границы своих страхов, смотрел, как далеко могу зайти за запретную черту, не оступившись.

Кроме того, Окику обожает охотиться. Она стала жертвой, поэтому теперь одержима жаждой мести. Окику убивает не ради каких-то высших целей. Ей не нужна причина, чтобы лишить кого-то жизни. Она делает это, потому что может. И я понимаю ее. Я и сам был жертвой большую часть своей жизни. Пока она все не изменила.

Я говорю себе, что делаю это – избавляю мир от тварей, которые бродят по ночам, – потому что хочу. Я говорю себе, что делаю это, потому что не собираюсь быть жертвой остаток своей жизни.

Я списываю все на выброс адреналина.

И, надо признать, именно в этом и заключается моя глупость.

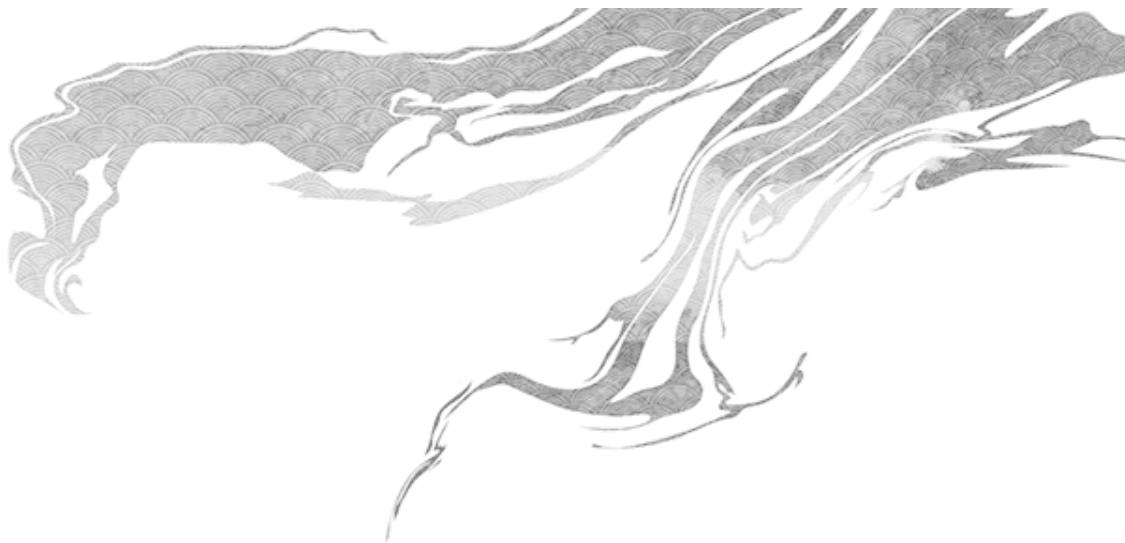
Окику догадывается, где блуждают мои мысли, и на ее мертвом, покрытом пятнами лице отражается любопытство.

– Я в порядке. Давай покончим с этим.

Она снова улыбается.

Так что мы стоим и смотрим, как сгорает ночь.

2. Девочки

Раньше я забывал, что в комнате со мной Окику, а не женщина в маске из моего детства. Раньше я просыпался с криком, ночные кошмары мучили меня. Если Окику когда-то и выглядела беспомощной, то только в те моменты, когда я вскакивал с кровати, весь в поту и слезах. Она, не привыкшая кого-то утешать, все равно старалась, все равно обнимала меня иссохшими руками.

Затем мико храма Чинсей Кагура предложила обучить меня ритуалам, позволяющим изгнать демонов не только из моего окружения, но и из моей головы. «*Чтобы защитить тебя*», – сказала она. Все, что мне было известно о сдерживании духов, я узнал от бывшей послушницы.

Первый обряд экзорцизма я провел в Японии девять месяцев назад. Привидение казалось доброй пожилой дамой, которая просила дать ей попить что-нибудь сладенькое. Когда же я извинился и достал куклу, дамочка перестала быть доброй. Или старой. А после неожиданного преобразования – и женщиной тоже.

Кагура была недовольна, сказав, что обучала меня не для того, чтобы я после вышел на улицу и без присмотра практиковался. Послушайся я ее, выполнил бы свой первый ритуал минимум через два года.

Я же указал на необходимость постоянной практики и на то, что меня всегда сопровождала Окику, которая не допустила бы, чтобы со мной что-нибудь случилось. Потребовалось немало уговоров, а также пришлось умолчать о том, как часто и для чего именно я использую свои таланты. Хотя Кагура так и не перестала беспокоиться. Благодаря ей и моей кухне Келли я получил столько материнской заботы, сколько мне требовалось.

После поимки первого духа я спал как младенец впервые за многие месяцы. Теперь же каждое утро казалось легким.

В этот раз я проснулся, отплевываясь от спутанных волос. Иногда мне кажется, что темные локоны Окику обладают собственным разумом. Они проскальзывают под мою подушку, прячутся под одеялом. Несколько избранных даже обвиваются вокруг моей руки, точно защитный кокон.

Все это время Окику не двигается. Свернувшись калачиком на потолке, у изголовья кровати, она не мигая смотрит прямо перед собой ввалившимися глазами. Назвать то, что она делает, сном – все равно что назвать ночлег у незнакомцев экстремальным видом спорта.

Можно предположить, что, просыпаясь каждый день и видя то, что большинство людей сочли бы мертвым телом, я должен был давно сойти с ума. Однако мертвые тела не пахнут ладаном и эвкалиптом. Аромат Окику проникает в мои простыни и остается на моей коже.

Я вылез из постели, усталый, но слишком взвинченный, чтобы и дальше спать; адреналин все еще бурлил в крови. Я направился в душ. Окику – внимательная соседка – тут же оставляет меня одного, как только возникает подозрение, что я раздеваюсь. Это хороший компромисс, потому что только из-за нее, находясь в своей комнате, я беспокоюсь о наличии одежды.

К тому времени, как я вышел, она уже проснулась, уложенные волосы перекинуты через худое плечо. На коленях – раскрытая книга. Слова завораживают Окику, и в этом месяце она поглощена романами Харуки Мураками. Призрак отрывает взгляд от страницы и печально смотрит в окно. Я знаю это выражение лица. Вот почему в последнее время она такая рассеянная. Окику нравится ловить духов и гоняться за куклами, но она осталась в мире живых не для этого.

– Еще один?

Она кивнула и указала пальцем в окно, как будто преступник, за которым она охотилась, прячется прямо за углом.

Когда дело касается отслеживания убийц, Окику никогда не ошибается. Мне почти жаль этого парня. Почти.

– Уже пятый за три месяца. Да ты жжешь, Ки.

– Не вижу никаких очагов возгорания. – Чувство юмора Окику умерло много веков назад вместе с ее физическим телом.

– Как насчет того, чтобы найти его сегодня вечером?

Я знаю, что когда Окику запланировала охоту, лучше не становиться между ней и ее целью. Чем дольше мы тянем, тем злее она становится. Чем быстрее Окику доберется до того негодяя, которого заметила, тем лучше для всех, кто в этом замешан. За исключением самого негодяя, конечно. Сегодня пятница, так что, думаю, смогу компенсировать усталость от двух ночей порока, хорошенько поспав на выходных.

Мое предложение оживляет Окику, действительно оживляет. На мгновение разлагающийся дух, стоящий у моего окна, исчезает, и на меня смотрит красивая кареглазая девушка в простом кимоно.

Окику требуется огромная концентрация, чтобы стать тем подростком, которым она когда-то была. Ей легче сохранять старые привычки и вселяющее ужас лицо, которое она носила дольше, чем была жива. Но в особенно хорошем настроении она прилагает усилия. И каждый раз в такие моменты у меня перехватывает дыхание. Солнечный свет вымывает остатки того призрака, которого я знаю и ценю, открывая мне девушку, которая скрывается за ним.

– Спасибо. – Даже голос ее звучит по-другому: он больше не шершавый, как наждачная бумага, а легкий и ясный. Окику улыбнулась мне, прежде чем ночь снова поглотила ее черты. Лицо девушки вновь становится олицетворением смертельной бледности и разложения.

Оставив Окику наедине с ее мыслями, я отправляюсь завтракать. Миссис Липперт – что-то вроде нашей домработницы, приходит по утрам, немного прибирается, но что еще важнее, она фантастически готовит. Когда я усаживаюсь на свое место, женщина подает мне завтрак, достойный короля или голодного семнадцатилетнего юноши: поджаренный бекон, омлет с ветчиной и сыром, свежавыжатый апельсиновый сок, запеченный в духовке хлеб и ее фирменный домашний джем. Мой желудок одобрительно урчит.

– Готов к весенним каникулам? – поинтересовалась миссис Липперт, когда я набросился на бекон.

– Да, – ответил я с набитым ртом. Несмотря на постоянные переезды из штата в штат и необходимость менять школу, это мой последний год, и я с нетерпением жду выпускного.

- Как у тебя с оценками?
- Когда в последний раз проверял, средний бал⁵ был равен четырем.
- А общие баллы? Разве ты не получил их вчера?
- Да, набрал 1570⁶.

Миссис Липперт лучезарно улыбнулась мне с другого конца стола. Мама умерла пару лет назад, а отец иногда отсутствует несколько недель кряду, так что я не стесняюсь принимать любую похвалу, которую только могу получить.

Я возвращаюсь в свою комнату, чтобы забрать сумку, но перед этим совершаю небольшой обход. Достаяю из шкафа маленький пластиковый контейнер, выбираю двух кукол и убираю их в рюкзак вместе с набором для шитья и магнитофонной записью синтоистских⁷ молитв. Никогда не знаешь, что может пригодиться.

– Я готов, Ки. Пора...

Она растворяется во мне...

Окику бежит вдоль реки.

Перед ней мерцают подпрыгивающие по течению огоньки, которые манят следовать за собой. Это событие не радостное, но ее смех разносится по воздуху. Она бежит и останавливается только тогда, когда слышит позади голос матери, которая просит ее не спешить.

Один из огоньков застревает в русле реки, шипит в попытке пробраться через камыши. Окику подходит к кромке воды и приседает, чтобы поближе его рассмотреть.

Это чочин – фонарь, изготовленный из такой тонкой бумаги, что неумелые руки запросто могут его порвать. На одной из сторон написаны молитвы и тайные желания – обычная вещь, которую жители деревни делали, прежде чем опустить эти самые фонарики в воду.

«Я хочу быть счастливым», – гласит надпись.

«Я тоже, – думает Окику. – Я тоже хочу быть всегда счастливой и...»

Осторожным толчком она отправляет фонарик в путь, чтобы он присоединился к своим братьям, которые уже успели уплыть на несколько метров вперед. Некоторое время Окику наблюдает за ним, чтобы убедиться, что на пути его не встретятся других препятствий.

«Я хочу быть счастливым».

Она машет чочину. Ведь в некотором смысле, теперь это и ее фонарик. Она снова бежит...

– ...идти.

Мое зрение проясняется, а сознание вновь возвращается в тело. Почти сразу же усталость от недостатка сна проходит, и я чувствую себя бодрее. Чувствую себя цельным.

Ощущаю вызванную Окику вибрацию, даже когда выхожу из дома.

Может, я и не популярен, но и не украшаю список отбросов. Не думаю, что большинство учеников вообще определились, что обо мне думать и уж тем более к какому классу меня отнести.

⁵ Речь о сумме всех оценок, полученных в средней школе, которую делят на общее количество зачетных единиц.

⁶ Чтобы понимать, насколько Тарквиний – хороший ученик, он набрал 1570 баллов из 1600 возможных.

⁷ Синтоизм (синто, «путь богов») – традиционная политеистическая религия Японии, основанная на анимистических верованиях древних японцев.

Возьмем, к примеру, BMW Z4, который я паркую на школьной стоянке. Папа купил мне бумер, когда в шестнадцать я сдал на права. Можно было подумать, что такой автомобиль сделает меня крутым, ведь в школе Пембрук считается чуть ли не антипатриотичным высмеивать любого, у кого есть классная машина.

Но ничего подобного не происходит. В основном из-за Окику, хотя я не могу винить ее за желание меня защитить. Я много раз говорил, что ей стоит обуздать свою тягу к беспорядку, но не знаю, что именно из сказанного она восприняла всерьез. После того как осколок разбившегося по необъяснимой причине зеркала порезал руку квотербека, который собирался меня ударить, а фонтанчик с водой взорвался и обрызгал спортсменов, которых не устраивало мое азиатское происхождение, меня перестали запугивать.

Ходили слухи о странностях, что случались в школах, где я учился ранее, о том, что моя мама, запертая в психиатрической лечебнице, умерла при весьма необычных обстоятельствах. Не говоря уже о заявлениях тех немногих, которым удавалось заметить рядом со мной Окику в те моменты, когда она ослабляла бдительность. В любом случае никто не верил в то, что болтают эти дети, но все сходились во мнении, что со мной что-то не так. Они боялись меня и предпочитали не иметь ничего общего с жутким японско-американским аутсайдером.

За исключением, как выяснилось, тех случаев, когда им нужен экзорцист.

Я надеялся, что мои вчерашние приключения останутся незамеченными, ведь Сондхейм не станет признаваться, что мне пришлось защищать его от одержимой куклы. Когда наступило время обеда, а вокруг не было слышно и писка, я начал расслабляться.

Поедая сэндвич, я проверил почту. Первое письмо от Кагуры вызвало у меня улыбку.

У некоторых людей есть забавные истории о том, как они познакомились со своими друзьями. Но нашу первую встречу забавной не назовешь. Когда я прилетел в Японию пару лет назад, она была одной из многих служительниц храма, которые совершили сложный ритуал, чтобы изгнать демона, что владел моим телом в течение десяти лет.

Теперь же Кагура вместе со своей тетей держала гостиницу у подножия горы Фудзи, но она по-прежнему посещает Чинсей, чтобы поддерживать там порядок.

Мы с Келли навещаем ее каждый год. Трудно разорвать связь с тем, кто спас вам жизнь.

Привет, Тарквиний!

Надеюсь, еще не слишком рано поздравлять тебя с предстоящим окончанием школы. Университет Брауна – отличный выбор, но, если передумаешь и решишь поступать в Токийский, я буду более чем рада помочь тебе с зачислением. То, что твои родители окончили этот университет, должно упростить процесс.

У Саи все хорошо. Теперь она работает в художественном музее Адачи и увлекается садоводством. Когда я сообщила ей, что вы с Келли приедете к нам на пасхальные каникулы, она тут же забронировала номер в «Камамэси».

Сая – еще одна из служительниц храма. Независимо от того, сколько раз они уверяли меня в обратном, я все еще чувствовал себя виноватым в том, как резко им пришлось сменить профессию.

Наконец-то прибыли американские охотники за привидениями, о которых я упоминала ранее. Сначала они попросили предоставить им необходимые материалы о горе Фудзи, а теперь им нужно, чтобы я помогала со съемками в лесу Аокигахара. Они исследуют легенды о деревне Айтоу, которая, как говорят, давным-давно располагалась в Аокигахаре, но теперь от нее не осталось и следа.

Гаррик Адамс, один из охотников за привидениями, говорит, что меня рекомендовали им, потому что мой отец изучал записи об этой деревне и был экспертом в данном вопросе.

Они хотят получить доступ ко всем исследованиям и находкам, которые я сохранила после его смерти. Адамс-сан также считает, что, как бывшая мико, я могла бы отпугнуть всех призраков, которые встретятся им на пути.

Но даже несмотря на приведенные ими доводы, я все еще сомневаюсь. Мне понятен их интерес, но Аокигахара – не то место, куда стоит соваться.

Они уедут за несколько недель до вашего приезда, так что жаль, что вы с Келли не сможете с ними встретиться.

Кажется, они довольно популярны в Соединенных Штатах.

Я слышал о них. Гаррик Адамс и Стивен Райли – исследователи духов и ведущие «Охоты на призраков» – реалити-шоу о паранормальных явлениях, которое в последнее время получило большой резонанс. Адамс и Райли прославились далеко не безобидными попытками дразнить призраков, чтобы те наносили им увечья или вселялись в них... Полагаю, все что угодно, лишь бы рейтинги оставались высокими. Я попытался представить этих ребят с Кагурой, для которой осторожность прежде всего, и едва не подавился сэндвичем.

Боюсь, что Браун – мое окончательное решение, – печатаю я в ответ, – хотя я не против поступить на аспирантуру в Токийский. Папа хочет, чтобы я учился в Америке. Было бы неплохо узнать, каково это – оставаться на одном месте четыре года.

«Охота на призраков» – популярное шоу на кабельном. Но парни, слоняющиеся повсюду с камерами, не кажутся мне убедительными. Как по мне, нет ничего плохого в том, чтобы показать им это место. К тому же будет здорово увидеть тебя по телевизору! Можешь раздобыть для меня несколько автографов?

Я попытался подобрать шрифт, который лучше всего передал бы мой сарказм, но сдался. Вероятно, мико его все равно не уловит.

Передавай от нас привет Сае. С нетерпением ждем встречи через несколько недель!

Отправив письмо, я просмотрел остальную почту и улыбнулся, когда увидел еще одно сообщение. На этот раз от Келли.

– Надеюсь, эта улыбка предназначена мне, Хэллоуэй.

Я поднял взгляд и обнаружил у моего столика Триш Сейфрид, но обратилась ко мне не она.

Я не отношусь к чирлидершам предвзято. На каждую группку смешливых и безмозглых Триш Сейфрид обязательно найдется хотя бы парочка умных дерзких девушек. Кендалл Бейкер как раз из таких. Два семестра назад она вызвалась быть моей напарницей по лабораторным работам, и вскоре я осознал, что эта девушка не боится меня, в отличие от ее друзей. Это нервировало, особенно учитывая, как настоятельно Кендалл хотела, чтобы я подтянул ее по испанскому. Красивые зеленоглазые брюнетки обычно не хотят иметь со мной ничего общего, но теперь я хотя бы понял, у кого Триш взяла мой номер телефона.

– Я лишь хотела еще раз поблагодарить тебя, – сказала Триш, устраиваясь напротив, в то время как Кендалл занимает свободное место справа от меня. – За то, что спас нас с Энди от зомби.

Зомби?

– От зомби?

– Разве это не было что-то вроде зомби? Глупо было бы говорить всем, что это всего лишь кукла.

В ответ на ее слова у меня вырвался стон.

– Триш шутит, да? – спросила Кендалл. – Зомби же не изгоняют, им отрубают головы.

– Это был не зомби, – ответил я, – а семирукая японка.

Кендалл разражается смехом. Никто мне не верит.

К моему большому облегчению, она меняет тему разговора:

– Кстати, выходит новый фильм «Прогулка под дождем». Слышал о нем?

– Нет, я не любитель слезливых мелодрам.

– Его показывают сегодня вечером в торговом центре, – с улыбкой настаивала Кендалл. – Что думаешь?

– О, здорово, – соврал я, потому что одно только название наводит на мысль о том, что вместо просмотра я предпочел бы, чтобы мне просверлили все зубы. – Если так сильно хотите его увидеть, то вам с Триш обязательно стоит пойти.

У Кендалл приоткрывается рот, а Триш заливается смехом. Я совсем не понимаю девушек.

– Вообще-то у меня есть идея получше, – заявила Триш, прежде чем Кендалл успевает сказать что-нибудь еще. – Керен Макнил устраивает вечеринку сегодня вечером. В том большом доме на Бакл-стрит. Хочешь пойти? Ну, знаешь, в качестве благодарности. Что-то вроде награды за то, что помог мне и Энди.

Видимо, у нас с Триш очень разные представления о том, что такое «награда».

Кендалл бросает на подругу предостерегающий взгляд.

– Не думаю, что Тарку будет интересно на вечеринке, где полно спортсменов, Триш.

– Почему это? Уверена, ему там понравится.

Я прочистил горло.

– Звучит, ммм, круто. Но у меня уже есть планы.

По крайней мере, тут я не соврал.

Триш пожимает плечами.

– Облом. Что ж, если будет время, заходи. Мы с Кендалл будем там, да и ребята, уверена, возражать не станут.

Кендалл все еще хмуро косилась на меня, когда они с Триш поднимались. Стоило им уйти, как я расслабился. Никогда не умел разговаривать с девушками, а Кендалл сегодня ведет себя особенно странно.

Я вернулся к письму от Келли. Моя кузина учится на первом курсе Бостонского университета, но мы часто навещаем друг друга во время каникул. Келли не очень любит Окику, хотя та всегда была к ней добра. От некоторых предрассудков трудно избавиться.

Привет, Тарк!

Постараюсь быть краткой. Через пять минут у меня свидание с Тревором, но я все же хотела сначала поделиться с тобой новостями.

Я останавливаюсь, чтобы закатить глаза. Тревор Гудман – новый парень Келли.

Все решено: в дополнение к нашей поездке в Японию я увижу вас с дядей Дугом на вашем выпускном вечере. Уверена, что окончание школы будет не таким радостным, если я не приеду отпраздновать это событие!

Я так тобой горжусь! И знаю, что дядя Дуг тоже, как и тетя Йоко. Ты стал хорошим человеком. Я всегда считала тебя скорее родным братом, чем кузеном. Раздражающим младшим братом, но никто не идеален!

Ладно, заканчиваю, пока совсем не растрогалась. Как Окику? Все эти ночные вылазки вредны для твоего здоровья. Разве нельзя сделать так, чтобы Окику уходила, а ты оставался дома в безопасности? (Знаю, что задавала этот вопрос миллион раз, но, думаю, должен существовать способ получше.)

Увидимся через пару недель! Япония!!!

Я сдержал очередную усмешку. Келли пишет так, будто никогда раньше не была в Японии, хотя мы посещаем эту страну каждый год.

Почти не прерываясь, я доел свой сэндвич и встал. Но отодвинутый стул наткнулся на кого-то сзади.

– Эй!

Отлично. Из всех стульев во всех столовых всех частных школ округа Колумбия именно за моим оказывается золотой мальчик Макнил.

Я повернулся. Звездный квотербек, которого сопровождали товарищи по команде, хмуро смотрел на меня. Я случайно задел его поднос, когда поднимался, так что вода пролилась на его сэндвич.

– Извини, – сказал я и попытался уйти, но Мэтисон – один из подпевал Макнила – преградил мне путь.

– И это все, Хэллоуэй?

Я мысленно вздохнул. Хулиганы стали избегать меня после того случая с фонтанчиком, но это еще не значит, что не найдутся те, кому не терпится попробовать еще раз.

– Неприятности случаются. – Я попытался отодвинуться от парней, но резкий толчок в плечо побудил вернуться на место.

– Похоже, ты задолжал Макнилу сэндвич, фрик.

Я порылся в карманах и протянул Макнилу десятидолларовую купюру не потому, что действительно был виноват, а скорее потому, что не желал ввязываться в конфликт. Спортсмена, похоже, удивило то, как легко я согласился, но не следовало ожидать, что его головорезы удовлетворятся. На самом деле Мэтисон выглядел настолько оскорбленным, словно врезались в него.

– Ах ты, маленький тощий китайчонка...

Он протянул руку, чтобы схватить меня за воротник рубашки.

Я лишь успел услышать, как сверху раздалось шипение, прежде чем над нами вспыхнули лампы. Я отскочил в сторону, Макнил с друзьями попятнулись, а между нами рассыпался каскад искр. Светильник бешено вращался, но пока еще целые провода не позволяли ему рухнуть на пол.

В столовой воцарилась гробовая тишина. Все переводили взгляды с разбитых светильников на нас и обратно.

– Как я уже сказал... – я махнул десятидолларовой купюрой перед Макнилом, пытаюсь принять равнодушный вид, хотя сам едва не выпрыгивал из собственной кожи, – это несчастный случай. Так что вот.

Макнил уже пришел в себя.

– Не утруждайся, Хэллоуэй. Это всего лишь сэндвич. Пошли, ребята.

Мэтисон хоть и хмурится, но тоже уходит, а остальные следуют за ним.

Я снова поднял глаза к потолку и нашел там Окику, провожающую парней взглядом. Ее плечи сторбились, на руках выросли когти, которыми она вцепилась в цемент. Окику рычит, как будто собирается броситься в атаку, и она

голод, голодная, убей, сними с них кожу,
разрежь ее на тонкие кусочки, заberi их головы и конечности
маленькие темные, маленькие темные, убей их.

Ох-ох...

– Ки!

Она отскакивает и исчезает, оставляя меня в комнате, полной незнакомых людей. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, постепенно осознавая, что люди все еще смотрят на меня и начинают перешептываться.

– Представление окончено, ребята, – пробормотал я, засовывая деньги обратно в карман и краем глаза замечая в дверях Триш и Кендалл. Первая выглядит одновременно очарованной и испуганной. Состояние второй понять немного сложнее. Она смотрит на меня со странным выражением лица.

Стараясь держаться как можно более достойно, я вышел из столовой и направился в туалет. Убедившись, что поблизости никого нет, я прислонился спиной к дверце кабинки.

– Окику.

Она появляется на потолке и смотрит куда угодно, только не на меня.

– Что все это значит, Ки?

– Ничего.

– Черта с два, – возразил я. – Ты была готова содрать с тех парней кожу.

– Они мне не нравятся.

– Они не нравятся всем, кто в здравом уме. Кстати, это многое говорит о местных учениках, потому что они-то их любят. Ты нервничаешь из-за сегодняшней ночи?

Возникла пауза, после которой Окику кивнула. У меня появилось такое чувство, будто она чего-то недоговаривает, но я решил пока что оставить это без внимания.

– Не думай об этом. Знаю, тебе не терпится, но давай не будем пугать людей больше, чем необходимо. Сможешь продержаться еще немного?

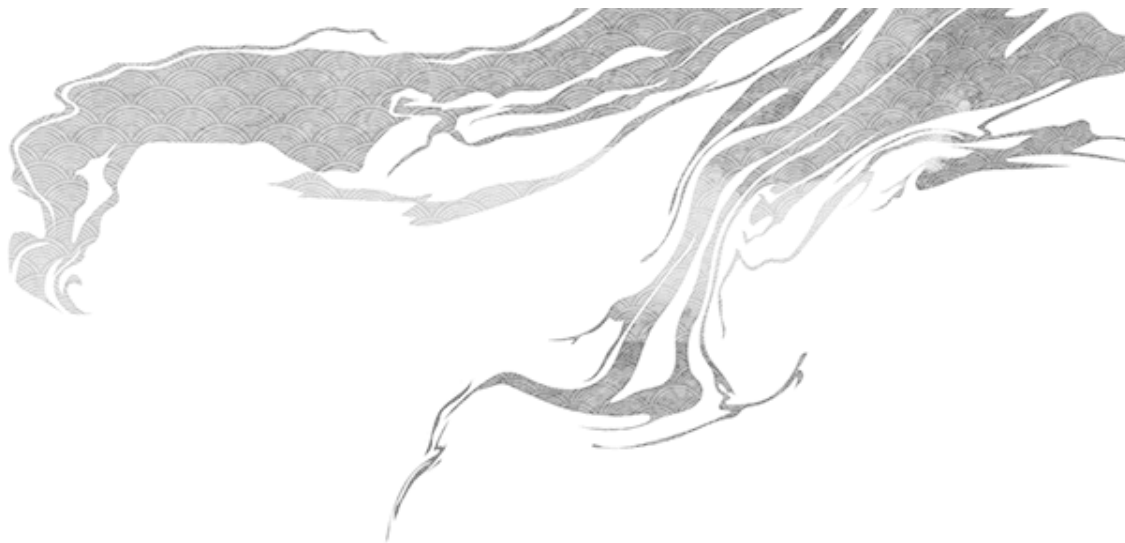
Окику снова кивнула, на этот раз более решительно.

– Отлично.

И все же, когда мы вышли из туалета, я не мог не беспокоиться. У Окику никогда не было от меня секретов, но расспросы придется приберечь до того момента, когда работа будет сделана, а моя подруга-призрак успокоится.

Ночь обещает быть долгой.

3. Охотники

Когда я вошел в дом, запах еды подсказал, что папа вернулся как минимум час назад. Будучи признанным ценителем еды навынос в округе Колумбия, я научился определять настроение отца по блюдам, которые он приносит домой на ужин. «Ло Ван» означает, что он планирует поработать дома, так что лучше не беспокоить его до конца вечера. «Тай Ман» говорит о том, что он планирует отдохнуть, посмотреть одну или парочку игр.

Еда из «Кузина» – греческого заведения, которое, как он знает, мне нравится, – намекает, что он хочет поговорить со мной как отец. Правда этот разговор никогда не заходит дальше вопроса, как дела в школе, и выражения легкого разочарования по поводу недостатка внеклассных мероприятий в моем расписании. Японская кухня от «Суши-я» уводит беседу дальше, к урокам музыки или спортивным лагерям, в которые он предлагает мне записаться, хотя я всегда нахожу миллион причин, чтобы отвергнуть его идеи.

Но в этот раз все по-другому. Мои глаза становятся в два раза больше, когда я улавливаю слабый запах подгоревших макарон. Папа готовил, а такие мероприятия всегда заканчивались выездом дежурной команды пожарных.

Я бросил рюкзак на диван и помчался на кухню, где папа раскладывал по тарелкам набор предварительно нарезанных трав, расфасованных по крошечным дорогим контейнерам. Такие продаются специально для тех, кто понятия не имеет, как пользоваться плитой, но все же хочет попытать удачу. Отец сменил деловой костюм на рубашку поло и брюки, которые можно описать, только если назвать их наполовину джинсами и наполовину спортивными штанами.

Папа говорит на четырех языках и может простой презентацией в PowerPoint выжать миллионы долларов из условий мирового соглашения, но попросите его приготовить пищу, и зрелище будет таким же, как если бы котенок пытался включить газонокосилку. Самые ужасные фразы, которые можно услышать от моего отца на кухне, это «А для чего эта ручка?» и «Уверен, так и задумывалось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.